

— Молодой хозяин... почему?

Цинхуань, собравшись укунуть нитку, замерла, держа в одной руке иглу, а в другой — нить, и с недоумением возразила:

— У вас и так мало хорошей одежды, а ежемесячное пособие ещё и урезают княгиня. Если не заштопать этот рукав, вы...

Гу Чжису скользнул взглядом по одежде, его мысли казались далёкими, и он, казалось, размышлял о чём-то:

— Эту одежду видела Старая госпожа. Княгиня, возможно, забудет, но Старая госпожа точно не забудет. Если она обещала успокоить меня, это не просто пустые слова.

Цинхуань, услышав это, сразу же загорелась:

— Молодой хозяин, значит, Старая госпожа через пару дней подарит вам новую одежду? Если так, то в этом году вам не придётся беспокоиться о зимней одежде, как здорово!

Гу Чжису, видя её радость, слегка опустил глаза, отгоняя от себя воспоминания, и на его лице появилась слабая улыбка. Его взгляд скользнул на стоящее неподалёку зеркало, и его пальцы коснулись его худого, почти костлявого лица, словно он видел в отражении другое лицо — прекрасное, с тонкими бровями и глазами, подобными осенней воде, лицо, в котором было что-то неуловимо женственное.

— Даже если у меня будет новая одежда, в таком тощем теле она всё равно будет висеть мешком.

Цинхуань, отложив одежду, радостно подпрыгнула и тут же добавила:

— Кто это говорит? По-моему, молодой хозяин самый красивый!

Сказав это, служанка наклонилась, чтобы налить Гу Чжису чаю, и, подойдя к нему, вдруг вспомнила о чём-то. Она порылась в рукаве и, достав что-то, положила это перед хозяином:

— Ах да, я чуть не забыла! Молодой хозяин, вот ваши деньги.

Перед тем как отправиться в главный дом, Гу Чжису отдал Цинхуань все свои сбережения, опасаясь, что она не сможет быстро уговорить матушку Минь. Но, к его удивлению, Цинхуань смогла вернуть часть денег, хотя их осталось совсем немного. Он взял серебро в руки, взглянул на него и равнодушно спросил:

— Так мало осталось?

Цинхуань, видя его задумчивое выражение, надула губы и возмущённо ответила:

— Ваше пособие и так невелико, а вы ещё любите покупать старые чернила и книги. К тому же вы дали матушке Минь немного денег, так что осталось совсем мало... О чём вы думаете? Сейчас только середина месяца, а у вас уже почти нет денег. Если в этом месяце вы захотите купить ещё бумаги или чернил, то во второй половине месяца вам придётся питаться воздухом!

Гу Чжису знал, что она беспокоится из-за того, что он много лет был в немилости, и его законная мать, когда была не в духе, урезала ему еду и воду. В детстве он несколько раз воровал еду у слуг и из кухни, чтобы не голодать. Цзюнь-ши, занятая заботой о дочери, не

замечала его страданий. До того как он попал во дворец, он был мягким и покорным, и каждый день, когда ему удавалось дотронуться до бумаги и чернил, он не чувствовал себя несчастным. Но он не понимал, что его жизнь была порой хуже, чем у обычного сына наложницы. К сожалению, когда он наконец смог жить в достатке, его сердце было уже разбито.

— Старые чернила и книги...

Те вещи, о которых он когда-то мечтал, теперь казались ему такими смешными.

Гу Чжису провёл пальцами по столу, где лежали дорогие чернила и бумага, и тихо приказал Цинхуань:

— Собери всё, что имеет возраст, и те чернила, за которые я когда-то заплатил большие деньги. У меня есть способ превратить их в деньги.

Их нынешнее положение было тяжёлым, и в доме законная мать и старшая сестра не оставят его в покое. Матушка Минь для них не представляла угрозы. Более того, с тех пор как он возродился, у него появились некоторые планы, и, если он не ошибался, их осуществление потребует больших денег. Даже если он сможет продать эти чернила и бумагу, откуда взять остальные средства?

Сегодня княгиня и Старая госпожа поссорились, а Старая госпожа казнила служанку старшей сестры...

Гу Вэньмянь ненадёжен, а от Старой госпожи тоже ничего не ясно...

Отдав приказ, Гу Чжису вернулся к столу и машинально начал водить пальцами по поверхности. Его пальцы случайно коснулись чего-то, и он замер, опустив глаза, чтобы рассмотреть это. Его зрачки впервые застыли на месте.

— Это... что?

Цинхуань, услышав его голос, тут же наклонилась, чтобы посмотреть, и с улыбкой ответила:

— Молодой хозяин, это ваша нефритовая подвеска с двумя рыбами. Вы что, забыли? Это ваша самая ценная подвеска, подарок от матушки на ваше десятилетие. Вы носили её с детства.

— Нефритовая подвеска с двумя рыбами...

Гу Чжису медленно поднял прозрачную зелёную подвеску перед глазами, и его пальцы дрогнули. Это была пара рыб, обвивающих жемчужину. Качество нефрита было не самым лучшим, и резьба оставляла желать лучшего. Это был подарок, который могла сделать семья среднего достатка своему ребёнку на праздник. В княжеском доме даже случайно выставленные нефритовые ширмы были лучше.

Это был единственный подарок, который Цзюнь-ши подарила ему на день рождения. Хотя он не стоил почти ничего, в прошлой жизни он бережно хранил его до четырнадцати лет, пока его не украл человек, свалившийся с неба. Он долго горевал об этом, пока однажды, когда всё изменилось, он снова увидел эту подвеску, но его сердце уже было разбито.

Может, сходить посмотреть на цветы груши?

В тот год, когда он лежал на самой большой груше в дворцовом саду, сорвал ветку с ещё

нераскрывшимися цветами, украшенными росой, и вставил её себе в волосы, он казался прекрасным, как недосыгаемая звезда. Его высокое тело могло обнять его целиком, но в конце концов он умер у него на руках, улыбаясь, с закрытыми глазами, сияющими, как звёзды.

Он сжал подвеску в руке, прижал её к своему холодному лицу, словно чувствуя тепло, исходящее от неё, тепло того единственного человека, который искренне любил его и готов был отдать всё, что у него было, лишь бы он был счастлив. Он тихо прошептал:

— Чанъань...

Синь Юаньань, младший брат его первого мужа Синь Юаньпи и сводный брат его второго мужа Синь Юаньпина, был сыном наложницы И. Хотя Синь Юаньпин был похож на обычного человека из Великой Ци, Синь Юаньань унаследовал тёмно-голубые глаза своей матери-хучжэньки. В императорском дворце, где все презирали хучжэньков, Синь Юаньань с такой внешностью был обречён на немилость. Император ненавидел его за глаза и даже после совершеннолетия не дал ему титула или земель, оставив его ничтожным пятым принцем.

Но именно этот презираемый всеми пятый принц после смерти императора убил всех своих братьев, захватил власть над Великой Ци и, вместо того чтобы самому взойти на трон, посадил на него любимого человека, а сам погиб в неудачной попытке переворота.

Яожун, ты знаешь?

Наша мать дала мне и брату имена «Пин» и «Ань», желая, чтобы мы жили в мире и спокойствии, не стремясь к высокому трону. Но разве в этом мире можно получить то, чего хочешь?

Как и то, что я полюбил тебя. Кто мог подумать, что я полюблю тебя?

Его голос, полный смеха, словно всё ещё звучал у него в ушах, но, сжимая подвеску в руке, он вдруг ясно понял — даже если он проживёт ещё одну жизнь, человек, которого он любил и которому был должен, уже давно мёртв.

Он погиб не от руки Синь Линьхуа, а из-за его жестокости.

Гу Чжису запрокинул голову, закрыл глаза, и его пальцы побелели от напряжения. Его голос, вырвавшийся из уст, был лёгким, как пыль, уносимая ветром:

— С того дня, как мы встретились, ты сказал, что считаешь меня своим другом, и я поверил...

Он ошибся в любви к одному человеку, поэтому больше не мог доверять своему сердцу.

А тот, кто действительно любил его, умер у него на глазах.

Он принял ложь за правду и получил то, что заслужил. Но он так и не понял настоящей любви, пока она не ушла навсегда.

Как глупо.

И ты, и я.

— ...Чанъань.

Спустя какое-то время Гу Чжису наконец открыл глаза. В темноте его зрачки горели, словно в

них пылал неугасимый огонь:

— Если в этой жизни... я снова встречу тебя, ты всё ещё захочешь...

Если в этой жизни я снова встречу тебя, ты всё ещё захочешь быть со мной до конца.

Я больше не предаю тебя.

<http://bllate.org/book/16652/1525590>